

Экономическая и социологическая теория налогообложения

Ханс-Херман Хоппе

Как свидетельствует заголовок данной статьи, при ее написании я преследовал две цели. Во-первых, я хотел объяснить общие экономические последствия налогообложения. Эта часть статьи представляет собой праксеологический анализ налогообложения, и вряд ли стоит ожидать, что ее содержание будет существенно отличаться от уже сказанного по этому поводу другими экономистами.

Более оригинальной представляется вторая часть статьи, где я пытаюсь ответить на вопросы: «Почему существует налогообложение? И почему его становится все больше и больше?» Но ответы на эти вопросы являются задачей уже не экономической теории, а социологической или исторической интерпретации и реконструкции, учитывающей выводы праксеологии и ограниченной ими; и в этом поле интеллектуального исследования с самого начала существует огромный простор для размышлений.

Ханс-Херман Хоппе — почетный профессор экономики Университета Невады в Лас-Вегасе, выдающийся старший научный сотрудник Института Мизеса и президент Property and Freedom Society.

Перевода: Елена Сагалович и Юрий Кузнецов

Редактор перевода (2002): Никита Соколов

Редактор перевода и оформление (2021): Андрей Шевцов

1. Экономическая теория налогообложения

Трудно сказать нечто новое об экономических последствиях налогообложения, но это вовсе не значит, будто то, что об этом можно сказать, не будет новостью для многих. На самом деле, если просмотреть несколько популярных в наше время учебников, можно прийти к заключению: то, что я собираюсь сказать, будет ново для большинства нынешних экономистов и студентов, изучающих экономику. В той степени, в какой эти тексты вообще затрагивают влияние налогообложения на экономику — т. е. выходят за рамки простого описания различных налоговых схем и их исторического развития¹, — они хранят почти полное молчание по поводу общих экономических последствий налогообложения. А то немногое, что в них содержится касательно воздействия некоторых конкретных форм налогообложения — в разделах, посвященных распределению налогового бремени, — неизменно оказывается ошибочным.

Но такое положение вещей есть не что иное, как результат интеллектуальной деградации. Едва ли не все, что должно быть понято сегодня относительно экономики налогообложения, было корректно и убедительно сформулировано по крайней мере 150 лет назад такой выдающейся фигурой в истории экономической теории, как Жан-Батист Сей, в его «Трактате политической экономии».

В противоположность авторам современных учебников, которые по существу втискивают обсуждение налогов в общую композицию своих книг совершенно произвольным образом, Сей корректно помещает описание феномена в раздел «О потреблении богатства». Он безошибочно определяет и рассматривает налогообложение как наступление и наказание за деятельность, направленную на накопление и производство собственности. Таким образом, оно неизбежно должно вести к замедлению процессов образования богатства, воплощенного в частной собственности, и к снижению общего уровня жизни.

«В высшей степени нелепо, — пишет Сей, — делать вид, что налоги, будучи присвоением части национального продукта,

---

¹ Исключительно дескриптивный анализ налогообложения содержится, например, в учебнике: Miller (1988), гл. 6.

умножают национальное богатство и что они обогащают нацию путем потребления части ее богатства».² «Налогообложение — это переход части национального продукта из рук частных лиц в руки правительства для оплаты общественных расходов или общественного потребления. Как бы они ни назывались, каждый налог, взнос, пошлина, акциз, таможенный сбор, контрибуция, субсидия, дар или пожертвование на деле являются бременем, возлагаемым действующей правительственной властью на людей, как по отдельности, так и объединенных в корпорацию, для обеспечения за их счет тех видов потребления, которые она может счесть полезными. Короче говоря, дань в прямом смысле этого слова».³

Поскольку эти фундаментальные идеи, по-видимому, были забыты или, по крайней мере, сегодня не представляются очевидными, я позволю себе в первую очередь представить заново праксеологическое доказательство и объяснение основного аргумента Сея, показать его основательность и таким образом опровергнуть некоторые популярные «контраргументы», предъявляемые в доказательство того, что налогообложение не обязательно препятствует накоплению богатства и собственности. В свете этого общего объяснения будут затем продемонстрированы фундаментальные логические ошибки стандартных учебников в анализе налогообложения.

То, что налогообложение, прежде всего и главным образом, является и должно трактоваться как средство разрушительного воздействия на процессы накопления собственности и, соответственно, богатства, следует из простого логического анализа смысла налогообложения.

Налогообложение — это принудительная, не контрактная передача определенных физических активов (в наши дни это, как правило, деньги, но не только) и заключенной в них ценности от тех лиц или групп, которые владели этими активами и могли получать в будущем доход от владения, в руки других людей или групп, которые теперь становятся владельцами и могут получать доход. Как эти активы попали в руки первоначальных собствен-

---

² Say (1964), стр. 447.

³ Say (1964), стр. 446; к вопросу об экономическом анализе налогообложения у Сея см. также Rothbard (1981), особенно стр. 551-54.

ников? Если исключить, что это было результатом предшествующего акта налогообложения, и учесть, что налогообложению подвергаются только те активы, которые еще не были использованы и их ценность не была исчерпана актами потребления (сборщик налогов забирает не отходы, а по-прежнему ценные вещи!), то существуют три, и только три возможности:

- эти активы попали во владение индивида в результате присвоения им тех или иных данных природой благ, оцененных им как редкие, до того, как кто-нибудь еще заметил и присвоил эти предметы;
- они произведены трудом индивида из ранее имевшихся в его владении материальных благ;
- они получены путем добровольного, контрактного приобретения у кого-то, кто ранее приобрел или произвел их.

Только такими действиями можно приобретать и накапливать ценные и, следовательно, налогооблагаемые активы. Акты первоначального присвоения преобразуют в приносящий доход актив то, что никто до этого не рассматривал в качестве возможного источника дохода. Акты производства по самой своей природе имеют целью трансформацию менее ценного актива в более ценный. Наконец, каждый акт договорного обмена означает перемещение специфических активов из рук того, для кого владение ими менее ценно, в руки того, кто ценит их больше.

Из этого следует, что любая форма налогообложения означает уменьшение доходов, которые человек может ожидать от первоначального присвоения, производства или контрактного обмена. И поскольку эти действия требуют использования редких ресурсов (по меньшей мере, времени и усилий человеческого тела), которые могли бы быть использованы иным способом для потребления и/или досуга, альтернативные издержки присвоения, производства и контрактного приобретения растут. Их предельная полезность убывает, тогда как предельная полезность потребления и досуга увеличивается. Следовательно, налогообложение побуждает к переходу от первых трех видов деятельности к последним двум.⁴

---

⁴ См. об этом также Rothbard (1970), раздел 12.8; Rothbard (1977), гл. 4, 1-3.

Таким образом, налогообложение сокращает текущий доход и возможный уровень текущего потребления производителей (в широком смысле этого слова, т.е. включая тех, кто осуществляет первоначальное присвоение и контрактное приобретение) путем принудительного перемещения ценных, но еще не потребленных активов в руки людей, не имеющих никакого отношения к их производству, — вывод, который достаточно очевиден. Более того, налогообложение снижает стимулы к производству ценных активов и, таким образом, снижает еще и будущий доход, а также будущий уровень потребления. Налогообложение не просто наносит ущерб потреблению без какого бы то ни было влияния на производственные усилия, наоборот, оно всегда разрушительно воздействует на производство, которое является единственным средством обеспечения и возможного роста будущих доходов и потребительских расходов. Снижая текущую ценность усилий, направленных на увеличение будущей ценности, налогообложение повышает эффективный уровень временных предпочтений, т. е. базовую ставку процента, вследствие этого ведет к сокращению периода производства и таким образом безжалостно толкает общество к деградации, к примитивному существованию «на подножном корму». Сделайте налоги высокими, и вы низведете род человеческий до варварского и животного состояния.

Каким бы простым ни казалось это рассуждение, существует масса расхожих возражений. Одно из них, например, мы часто слышим от экономистов, ошибочно считающих экономику эмпирической наукой, вырабатывающей исключительно гипотезы, которые, чтобы стать теориями, обязательно должны быть проверены и подтверждены данными опыта (по аналогии с тем, как это делается в естественных науках). Аргумент звучит следующим образом: «Эмпирически неоднократно наблюдалось, что повышение уровня налогообложения фактически сопровождалось ростом, а не падением ВВП или других показателей объемов производства. Следовательно, приведенное рассуждению при всем его правдоподобии должно рассматриваться как эмпирически несостоятельное». Некоторые эмпирики такого рода заходят еще дальше и делают еще более сильное утверждение, что налогообложение способствует подъему уровня жизни. В качестве подтверждения приводится тот факт, что некоторые страны, некогда имевшие низкий уровень жизни и низкий уровень

налогообложения, теперь обладают значительно большим богатством при намного более высоких налогах.

Оба эти возражения являются просто путаницей. Опыт не может опровергнуть логику, и интерпретация данных наблюдения, находящаяся в противоречии с законами логического вывода, является не опровержением последних, а симптомом «каши в голове». (Как отнестись к сообщению о том, что некто видел птицу, которая была одновременно красного и не красного цвета? Как к опровержению логического закона противоречия или как к высказыванию идиота?)

Что касается более сильного тезиса, то он прекрасно иллюстрирует всегдашнюю привлекательность логической ошибки *post hoc ergo propter hoc*. Из того, что одновременно высокие налоги и высокий уровень богатства наблюдались позже, чем низкие налоги и меньшее богатство, делается вывод, что рост налогов увеличивает богатство. Такой способ аргументации столь же убедителен, как, например, следующее рассуждение (справедливо высмеянное Сеем): видя, что богатые люди потребляют больше, чем бедные, можно сделать вывод, что их высокий уровень потребления является причиной богатства.⁵ Точно так же, как из самого понятия «потребление» следует, что это неверно и что, наоборот, богатые люди являются таковыми не благодаря высокому уровню потребления, а вопреки ему (так как ранее они воздерживались от потребления и предпринимали действия, направленные на создание ценностей) — точно так же смысл понятия «налогообложение» подразумевает, что человечество может стать процветающим не благодаря высоким налогам, но вопреки им.

Что касается более слабого утверждения о том, что опыт, по крайней мере, опровергает наличие неизменно отрицательной связи между налогообложением и объемом производства, то этот тезис также бьет мимо цели. Праксеологическое рассуждение, представленное выше, не исключает всего того, что экономисты-эмпирики ошибочно интерпретируют как опровержение. Ранее нами был сделан вывод о том, что налогообложение приводит к относительному сокращению производства имеющих ценность активов; т. е. сокращению по сравнению с тем уровнем производства, который мог бы быть достигнут при пол-

---

⁵ Say (1964), стр. 448.

ном отсутствии налогообложения или если бы его уровень не увеличивался. Ничего не утверждалось и не подразумевалось относительно абсолютного уровня производства ценных активов. На самом деле рост абсолютной величины ВВП, например, не только совместим с изложенным выше праксеологическим анализом, но может рассматриваться как совершенно нормальный феномен, в той степени, в какой делается возможным и реально происходит повышение производительности. Если благодаря усовершенствованию технологии становится возможным производство большего количества продукции с использованием прежнего количества ресурсов (в терминах издержек) или прежнего количества продукции при сокращении ресурсов, то нет ничего неожиданного в одновременном увеличении налогового бремени и росте производства ценных активов. Но, разумеется, это ни в малейшей степени не влияет на обоснованность ранее сделанного вывода об относительном обеднении вследствие налогообложения. При заданном состоянии технологических знаний (как бы они ни изменялись с течением времени) и при том, что налогообложение есть не что иное, как наказание за усилия по производству ценностей, объем производства неизбежно будет ниже того, которого можно было бы достичь при том же уровне знаний при отсутствии налогообложения или при его более низком уровне. И здесь статистические исследования бьют мимо цели: они не могут ни подтвердить, ни опровергнуть этот тезис.

Еще одно возражение, на сей раз теоретического характера, которое пользуется известной популярностью, состоит в том, что установление или повышение налогов приводит к сокращению дохода, получаемого от налогооблагаемых активов; это сокращение повышает предельную полезность таких активов по сравнению с теми благами, которые могли бы быть получены от других форм деятельности; и поэтому налогообложение усиливает, а не снижает стимулы к занятию производственной деятельностью. Применительно к обычному обложению денежных активов это означает, что налоги сокращают денежный доход, тем самым они повышают предельную полезность денег, что, в свою очередь, усиливает стимул к получению дополнительных денежных доходов. Сам по себе этот аргумент, несомненно, верен. Однако было бы большим недоразумением считать, что он в какой бы то ни было степени опровергает выдвинутый мною тезис об от-

носителем обеднения. По существу этого возражения прежде всего следует отметить следующее: даже если предположить, что возросшее налоговое бремя не ведет к относительному снижению производства ценных активов, так как вызывает пропорциональный всплеск «трудоголизма» (представленное возражение, по-видимому, предполагает именно это, и, как мы увидим, ошибочно), тем не менее доход производительных индивидов все равно падает. Даже если они продолжают производить продукцию в прежнем объеме, это возможно только потому, что они теперь затрачивают на это больше труда. А поскольку любой расход дополнительного труда подразумевает сокращение досуга или потребления (тот досуг или то потребление, которыми они могли бы пользоваться при том же уровне производства ценных активов), их общий уровень жизни теперь с неизбежностью окажется более низким.⁶

Если признать это, то становится также понятным, почему совершенно неверно утверждение, что налоги в некоторых случаях могут уменьшать одно лишь потребление и никак не влиять на объемы производства обладающих ценностью активов. Необходимо принять во внимание два фундаментальных факта, а именно: (1) налогообложение уменьшает доход индивида (включающий выгоду от текущего потребления и досуга) и (2) универсальный факт существования временного предпочтения, заключающийся в том, что действующий индивид всегда предпочитает наличные блага будущим благам (иными словами, люди не могут жить без постоянного потребления, и для того, чтобы участвовать в более продолжительном производственном процессе — использовать методы производства, включающие промежуточные стадии, им необходимо иметь запас потребительских благ на весь период ожидания). Из этих двух предпосылок с логической необходимостью следует, что в результате налогообложения эффективный уровень временного предпочтения индивида должен возрастать (иными словами, должна возрастать тяжесть ожидания). Следовательно, производитель будет сокращать длительность производства (полного производственного цикла) по сравнению с той, которую он выбрал бы в иных обстоятельствах. Поэтому в будущем объем выпускаемых ценных активов окажется меньше, чем он мог бы быть. При низком

---

⁶ См. об этом также Rothbard (1977). стр. 95 f.

уровне налогообложения или при его полном отсутствии доход индивида будет выше, поэтому при заданной функции временного предпочтения и при прочих равных условиях он смог бы инвестировать ресурсы в более длительный производственный процесс, и, как следствие этого, объем производства ценных активов в будущем мог бы быть относительно большим.⁷

Ошибочность тезиса о том, что налогообложение может быть нейтральным по отношению к производству, состоит в том,

---

⁷ В этом месте одно из возможных возражений состоит в том, что налоговые поступления попадают в чьи-то руки - правительственных ли чиновников или получателей правительственных трансфертов, - и что вследствие роста доходов у них падает ставка временного предпочтения, чем отчасти компенсируется ее увеличение со стороны налогоплательщиков. Поэтому общий уровень временных предпочтений в обществе и структура производства остаются неизменными. Однако этот аргумент совершенно ошибочен. Прежде всего, что касается правительственных расходов, то они вообще не могут считаться инвестициями. Это не что иное, как потребление, и только потребление. Например, Ротбард (Rothbard (1977). Р. 98) объяснял это следующим образом:

«В экономике, основанной на разделении труда, средства производства создаются инвестором не ради самого процесса, а для того, чтобы использовать их для производства благ более низкого порядка и, в конечном итоге, потребительских благ. Короче говоря, особенностью инвестиционных расходов является то, что они используются для удовлетворения нужд не инвестора, а других людей - потребителей. Но когда правительство конфискует ресурсы частного сектора экономики, это есть не что иное, как пренебрежение желанием потребителей; когда правительство инвестирует в любые блага, оно делает это, чтобы удовлетворить прихоти правительственных чиновников, а не желания потребителей». Таким образом, правительственные расходы по определению не могут считаться способом удлинения производственной структуры и, следовательно, уравнивать рост ставки временного предпочтения налогоплательщиков. С другой стороны, «что касается трансфертных расходов правительства (включая заработную плату бюрократов и субсидии привилегированным группам населения), часть этих средств действительно будет сберегаться и инвестироваться. Однако эти инвестиции не будут отражать добровольных пожеланий потребителей, а будут представлять собой вложения в те направления производственной деятельности, которые *нежелательны* для производительных потребителей: Если вдруг налоги исчезнут, то новые инвестиции, сделанные в расчете на спрос привилегированных групп, окажутся *ошибочными (ложными) инвестициями (mal-investments)*». Следовательно, трансфертные расходы также не могут рассматриваться в качестве компенсации сокращения налогоплательщиками временной структуры производства. Самое большее, что могут вызвать такие расходы, - это удлинение временной структуры ошибочного (неверного) производства (*mal-production*). «При любой налоговой ставке, - заключает Ротбард, - государственное потребление неизбежно приводит к тому, что результатом налогообложения доходов будет увеличение ставок временных предпочтений и сокращение сбережений и инвестиций».

что не учитываются временные предпочтения. Рассматриваемый нами аргумент совершенно справедлив в том, что указывает на двойной сигнал, посылаемый налогообложением: с одной стороны, эффект замещения, действующий в направлении замены работы потреблением и досугом, а с другой стороны, эффект дохода, заключающийся в увеличении предельной полезности налогооблагаемых активов. Однако было бы неверным упрощенно интерпретировать это как просто смешанный пакет противоречивых сигналов (один за то, чтобы больше работать, а другой против) — и делать из этого вывод, что невозможно ничего категорически утверждать относительно влияния налогообложения на производство и что вопрос о том, приведет ли налогообложение к снижению или повышению объемов производства ценных активов, должен рассматриваться как чисто эмпирический.⁸ На самом деле сигнал, подаваемый налогообложением, вовсе не является противоречивым, если учесть, что он направлен людям, которые в своих действиях неизменно испытывают влияние временных предпочтений. Для таких людей существует не только альтернатива «работать или не работать», но также и альтернатива «затрачивать на работу больше или меньше времени». То есть они вынуждены делать выбор между (1) приобретением благ быстрым и прямым путем с непродолжительным временем ожидания, но ценой использования менее эффективных методов производства (известный пример рыбака, который решает ловить рыбу голыми руками, чтобы получить ее побыстрее, вместо того чтобы прибегнуть к более косвенным способам производства), либо (2) получением этих благ с помощью более производительных методов, но ценой более долгого ожидания того часа, когда можно будет пожать плоды своей деятельности (рыбак, привлеченный более высокой отдачей в будущем, решает потерпеть некоторое время, чтобы сначала сплести сеть). Но в рамках этого выбора сообщение, посылаемое налогообложением, является абсолютно ясным и недвусмысленным, и в этом случае нет никакого сомнения, что эффект замещения должен систематически преобладать над любым эффектом дохода. Если существует не только возможность иметь или не иметь что-то,

---

⁸ См. эмпирические (и поэтому нерелевантные) исследования, посвященные относительной важности эффекта дохода и эффекта замещения: Atkinson, Stiglitz (1980). стр. 48 ff.; Stiglitz (1986). стр. 372; Break (1974). стр. 180 ff.

но также и возможность получить это «что-то» в меньшем количестве, но быстрее, или в большем количестве, но позже, двойное сообщение, посланное посредством налогообложения, легко сводится воедино и превращается в следующее: сократить время ожидания, отказаться от сложных и продолжительных методов производства! При таком образе действий ценные активы будут получены раньше — в соответствии с их возросшей предельной полезностью; и одновременно, в соответствии с сокращением периода ожидания, больше места будет отведено досугу — в соответствии с возрастанием его предельной полезности. С сокращением продолжительности косвенных методов производства одновременно учитываются оба кажущиеся противоречивыми сигнала, порождаемые налогообложением. Вопреки расхожему мнению о «нейтральном» воздействии налогообложения на производство, следствием любого такого укорачивания косвенных методов производства является снижение объема выпускаемой продукции. Ценой, которую неизбежно приходится платить за налогообложение и за любое его повышение, является принудительное снижение производительности, которое оборачивается снижением уровня жизни в терминах ценностей, предназначенных для будущего потребления. Каждый акт налогообложения неизбежно действует в направлении от более капиталоемких и, следовательно, более продуктивных производственных процессов в сторону существования «на подножном корму».⁹

Нетрудно проиллюстрировать обоснованность этих вы-

---

⁹ Здесь опять становится очевидным то, о чем уже говорилось ранее в примечании 15 в несколько иной связи, а именно: почему является фундаментальной ошибкой считать, будто налогообложение может оказывать «нейтральное» воздействие на производство, поскольку любое «отрицательное» влияние на налогоплательщиков может быть компенсировано соответствующим «положительным» эффектом, оказываемым на налогоплательщиков. Что упускается в такого рода рассуждениях? Дело в том, что введение налогообложения не только подразумевает благоприятствование не-производителям за счет производителей. Оно вдобавок изменяет издержки, связанные с различными методами получения дохода, причем делает это в равной степени для производителей и не-производителей. Теперь становится менее накладным получать дополнительный доход непроизводительным способом, т. е. не с помощью действительного производства большего количества благ, а путем участия в процессе не контрактного овладения уже произведенными благами. И если эта новая структура стимулов воздействует на то же самое население, то длительность временной структуры производства неизбежно сократится, что, в свою очередь, приведет к уменьшению объемов производства.

водов на примере хорошо знакомого случая налогообложения денежных активов. Очевидно, что такие активы приобретают и держат, потому что на них в будущем можно приобрести другие ценные активы. Деньги либо вообще не обладают собственной, им присущей потребительской ценностью (как в случае необеспеченных бумажных денег), либо эта потребительская ценность незначительна по сравнению с их ценностью при обмене (как в случае золотого стандарта, где деньги обладают ценностью, хотя и небольшой, в качестве потребительского товара). Ценность, придаваемая деньгам, по существу состоит в их будущей покупательной способности. Но если ценность денег состоит в том, чтобы представлять другие активы, которые станут доступны в будущем, то становится совершенно ясным результат налогообложения денег. Наиболее важно то, что одновременно с увеличением предельной полезности досуга и/или потребления такой налог повышает предельную полезность этих будущих активов. Это изменение в соотношении стимулов для действующего субъекта ведет к попыткам приобрести эти активы как можно быстрее, т. е. с помощью производственных процессов, занимающих меньше времени. Единственным видом производственных процессов, который сразу дает систематическое сокращение времени по сравнению с приобретением будущих активов косвенным образом, т. е. посредством денег, является прямой обмен. Таким образом, данный вид налогообложения влечет за собой все большую замену продолжительного, «кружного» метода производства через денежный обмен бартерной торговлей. Но, опять-таки, все больше прибегать к бартеру — это верный путь назад к экономическому примитивизму и варварству. Именно потому, что производство для целей бартера дает исключительно низкий объем продукции, человечество переросло эту стадию развития и все больше и больше развивает систему производства для целей непрямого обмена, которая, хотя и требует более длительного периода ожидания, приносит гораздо большую отдачу в виде все большего количества все более разных активов, включенных в цепочку денежных отношений. Каждый акт налогообложения, произведенный в ходе этого процесса, означает вынужденный шаг назад. Он сокращает объем производства, уменьшает глубину разделения труда и ведет к ослаблению социальной и экономической интеграции (которая, кстати, никогда не смогла бы достичь всемирного масштаба, если бы не

существовало института не прямых, денежных обменов).

Более того, каждый акт принудительного отъема денег, поощряя общую тенденцию к замене прямым обменом опосредованных обменных механизмов, имеет также важные последствия в отношении методов добывания денег. Так же, как в случае не денежных активов, возрастающая предельная полезность денег вместе с предельной полезностью досуга и потребления делает относительно более привлекательным получение денег более короткими путями, требующими меньших затрат времени. Вместо получения их в обмен на усилия по созданию ценностей, т. е. в рамках взаимовыгодных обменов, налогообложение усиливает стимул к приобретению денег более быстрыми и прямыми способами, избегая утомительного кругового пути производства и контрактного обмена. С одной стороны, это означает более частые попытки увеличить свои денежные активы, просто укрывая их от сборщика налогов. С другой стороны, будет возникать всевозрастающее стремление завладеть деньгами посредством принудительного отъема, как в нелегальной форме, именуемой воровством, так и в легальной, путем участия в игре, которая называется политикой.

Завершая этот общий экономический анализ последствий налогообложения, который авторы современных учебников экономики, как правило, предпочитают вообще не рассматривать, я хотел бы обратиться к тому, что они обычно говорят о последствиях налогообложения под рубрикой «распределение налогового бремени». В свете проведенного анализа будет нетрудно определить глубокий изъян в их изложении. И нет ничего удивительного в том, что если не потрудиться исследовать основы, то можно легко впасть в ошибку при рассмотрении частных вопросов.

Стандартное изложение проблемы распределения налогового бремени чаще всего иллюстрируется примером акциза или налога с продаж. Рассуждают примерно следующим образом.¹⁰ Предположим, что вводится (или увеличивается) акциз или налог с продаж. Кто понесет их бремя? Признается — и я, разумеется, не намерен оспаривать обоснованность этого утверждения,

---

¹⁰ См. например, Baumol, Blinder (1979). стр. 636 ff.; Fufeld (1987). стр. 639 ff.; Ekelund, Tollison (1988). стр. 463 ff., стр. 469 ff.; Fisher, Dornbusch, Schmalensee (1988). стр. 385 ff.

— что потребители в известном смысле должны принять на себя главный удар. Ведь независимо от специфических последствий такого налога либо потребители вынуждены будут платить более высокую цену за те же самые товары, и поэтому уровень их жизни снизится, либо же налог увеличит издержки производителя, и потребители опять-таки будут ущемлены, так как будет произведено меньше продукции. Однако далее утверждается — и с этим мы категорически не согласны, — что вопрос о том, каким из этих двух способов наносится ущерб потребителям, является открытым эмпирическим вопросом, ответ на который зависит от эластичности спроса на облагаемые налогом товары. Если спрос в достаточной степени неэластичен, то производители будут полностью перекладывать бремя на потребителей в форме более высоких цен. Если спрос высокоэластичен, то производители примут на себя бремя налога в форме более высоких издержек производства. Если же какой-то сегмент кривой спроса неэластичен, а другой эластичен — и это якобы эмпирически наиболее распространенный случай, — то бремя налога некоторым образом делится между ними: часть его падает на потребителей, а другая — на производителей.

В чем ошибка этого рассуждения? Хотя оно и сформулировано в терминах, отличных от тех, которые я использовал в предшествующем анализе, нельзя не заметить, что оно просто частный случай рассуждения, ошибочность которого уже была продемонстрирована в более общем виде: а именно, тезис о том, что налоги могут вести, а могут и не вести к уменьшению объемов производства; что отсутствует неизбежная связь между налогами и выпуском продукции; и что эмпирически возможна ситуация, когда налог затрагивает исключительно потребление и никак не влияет на производство. Предполагать, как это делается в разделах учебников о распределении налогового бремени, что оно может быть целиком или частично переложено на потребителей, просто означает, что налог может не оказывать влияния на производство. То есть если возможно переложить любую сумму налога на потребителей, то эта сумма будет представлять собой «налог, не затрагивающий производство», налог исключительно на потребление.¹¹

---

¹¹ О невозможности чистого налога на потребление см. также Rothbard (1977), стр. 108 ff.

Чтобы опровергнуть обычные рассуждения, содержащиеся в учебниках, достаточно просто напомнить сделанный выше вывод, что любой налог, которым облагаются люди с ненулевыми временными предпочтениями, неизбежно оказывает отрицательное воздействие на производство, сверх и независимо от любых негативных последствий для потребления. В данном случае, однако, для доказательства по существу того же самого тезиса я прибегну к несколько иному способу аргументации и таким образом обосную более частный тезис, а именно: никакой налог ни в какой своей части не может быть переложён на потребителей. Допустить противное означает утверждать нечто логически совершенно невозможное.

Абсурдность доктрины «перекладывания налогового бремени на покупателя» становится ясной, как только мы попытаемся применить ее к случаю, когда индивид выступает одновременно в двух ролях — производителя и потребителя. Для такого производителя-потребителя доктрина сводится к следующему утверждению: если он сталкивается с увеличением издержек получения некоторого блага в будущем — т. е. с таким событием, которое он сам воспринимает как увеличение его издержек, — то он перекладывает эти возросшие издержки на самого себя, приписывая производимому благу пропорционально более высокую ценность, таким образом восстанавливая прежнюю величину прибыли. При этом индивид не претерпевает никакого ущерба в своей роли производителя, а приспосабливается к новым условиям исключительно в своей роли потребителя. Или, в более жесткой формулировке, налог не имеет для такого человека никакого значения в том, что касается его деятельности по производству ценностей, так как его желание обладать в будущем производимыми благами пропорционально усиливается.

Простое рассуждение показывает, что этот абсурд вытекает из фундаментальной путаницы в понятиях. Доктрина «перекладывания налогового бремени на покупателя» проистекает из непонимания того, что при анализе нужно считать спрос заданным и что эта предпосылка совершенно необходима, так как фактически спрос является заданным для любого момента времени. Любой анализ, упускающий из виду это обстоятельство, с неизбежностью заходит в тупик. Потому что если допустить, что спрос изменился, то все становится возможным: производство может возрасти, сократиться или остаться на том же уров-

не. Если я, к примеру, произвожу чай, и этот товар обложили налогом, и если при этом предположить, что одновременно возрос и спрос на чай при любой цене (т.е. увеличилась функция спроса), то, разумеется, может оказаться и так, что люди будут готовы заплатить за чай более высокую цену, чем прежде. Но совершенно ясно, что это будет не перекаладыванием налогового бремени на потребителя, а результатом изменения спроса. Помещать этот случай под рубрикой «анализ распределения налогового бремени» — очевидный нонсенс. На самом деле здесь рассматривается совершенно другой вопрос, а именно вопрос о влиянии изменения спроса на цену, и он не имеет никакого отношения к экономическим последствиям налогообложения. Чтобы оценить, сколь велика здесь путаница, представьте себе, что вы столкнулись со следующим опровержением арифметического утверждения, что если к одному яблоку добавить еще одно, то получится два: «Нет, я только что добавил еще одно, и смотрите, здесь уже не два, а три яблока». В математике такая чепуха вряд ли осталась бы незамеченной, но в экономике ничуть не менее абсурдная доктрина имеет статус ортодоксии.

Если же при ответе на вопрос, будет ли налоговое бремя переложено на покупателя, исходить из логической необходимости считать спрос зафиксированным, то любой налог надо интерпретировать как событие, оказывающее воздействие исключительно со стороны предложения: налог сокращает запасы товаров в распоряжении продавцов¹². Любой другой вывод был бы отрицанием того, что предполагалось с самого начала, а именно, что налог на самом деле был введен и что он осознается производителями как таковой. Но утверждать, что после введения налога изменится лишь кривая предложения (кривая спроса остается той же, что и до изъятия), — значит согласиться с тем, что налоговое бремя полностью ляжет на поставщиков. Конечно, сдвиг кривой предложения влево может стать причиной роста цен, и потребители, разумеется, могут оказаться ущемленными, так как им придется платить более высокую цену, и они смогут позволить себе приобрести по новой цене лишь меньшее количество товаров¹³. Однако, как мы помним, тот факт, что по-

---

¹² Baumol и Blinder (1979, стр. 636) рисуют кривую *спроса*, изменяющуюся в результате введения налога!

¹³ Во избежание недоразумения, еще раз отмечу: в той мере, в какой анализ...

требители неизменно ущемляются налогами, не подвергался ни малейшему сомнению. Но было бы большим заблуждением считать, что более высокая цена является следствием перекалывания налогового бремени с производителей на потребителей. Правильнее было бы сказать, что в данном случае потребители страдают «просто» вследствие ущерба, нанесенного производителям, которые, несмотря на более высокие цены за свои товары, вынуждены принять на себя всю силу удара.¹⁴ Следует задать себе очевидный вопрос: если предприниматель и вправду имел бы возможность переложить некоторую часть налогового бремени с себя на потребителей, почему же он не сделал этого раньше, «обложив» самого себя «добровольным налогом», вместо того чтобы ждать внешнего принудительного налога? Ответ прост: потому что в своих действиях по назначению цен он всегда связан фактическим состоянием спроса. Любая цена назначается предпринимателем в предположении, что более высокая цена принесет более низкий суммарный доход. В противном случае, если бы предприниматель ожидал, что более высокая цена принесет большую выручку, он бы ее повысил. Если предприниматель считает, что спрос неэластичен в пределах сегмента возможных ценовых изменений, он воспользуется этим преимуществом и установит более высокую цену. Он перестает повышать цену и останавливается на достигнутом уровне тогда, когда его ожидания меняются на противоположные, и он начинает полагать, что при более высоких ценах кривая спроса упадет. Эти ожидания относительно неэластичных и эластичных участков кривой спроса несколько не изменятся, если предприниматель столкнется с необходимостью платить налог. Как и прежде, он ожидает, что более высокая цена приведет к уменьшению дохода. Тем самым полностью снимается вопрос о том, что предприниматель мог бы избежать налогового бремени. На самом деле, если теперь цена вырастет вследствие сокращения предложения, она окажется в рамках сегмента эластичности кривой спроса, и предприниматель, следовательно, будет вынужден заплатить за это

...распределения налогового бремени, представленный в учебниках, ограничивается указанием на этот факт, он, разумеется, полностью корректен. Но даваемая ими интерпретация этого феномена является глубоко ошибочной.

¹⁴ См. об этом также Rothbard (1970), стр. 809.

полную цену в виде сокращения выручки. Любой другой вывод логически несостоятелен. Только в том случае, если предприниматель ожидает, что одновременно с введением налога произойдет изменение спроса, он сможет изменить цену и при этом не потерпеть убытков. Если он, например, ожидает, что спрос будет увеличиваться таким образом, что нынешняя цена окажется на участке неэластичности кривой спроса, он сможет безнаказанно ее повысить. Но, подчеркну еще раз, это не будет перекладыванием налогового бремени на покупателя. С налогом или без него, но предприниматель действует в точности одинаковым образом. Налог не имеет никакого отношения к такого рода изменениям цен. В любом случае он будет заплачен полностью и исключительно продавцами облагаемых товаров.¹⁵

2. Социология налогообложения

Итак, вне всякого сомнения, налоги с неизбежностью ведут к более низкому уровню производства и вместе с тем — к уменьшению уровня жизни людей в их качестве потребителей. Как бы ни строить аргументацию, мы с неизбежностью приходим к заключению, что налогообложение есть не что иное, как препятствие на пути созидания общественного богатства и вследствие этого — причина относительного обеднения.

Это подводит нас ко второй теме — социологии налогообложения. Если налогообложение является орудием разрушения, направленным против формирования богатства, то сразу же со всей остротой встает вопрос: чем же тогда объяснить то, что налогообложение вообще существует? Почему его становится все больше и больше? В частности, почему мы переживаем, особенно на протяжении последних ста лет, постоянное увеличение

---

¹⁵ Если налог не оказывает непосредственного воздействия на величину предложения - как это может иметь место в краткосрочной перспективе, то, как следует из вышеизложенного анализа, установленная цена вообще не изменится, так как ее повышение (в качестве реакции на налогообложение) означало бы выход на эластичный сегмент кривой спроса. В долгосрочной перспективе предложение будет относительно сокращаться, и цены с неизбежностью сместятся в этого сегмент. В любом случае, перекладывания налогового бремени на покупателя не произойдет. См. об этом также Rothbard (1970), стр. 807 ff. и Rothbard (1977), стр. 88 ff.

не только абсолютного, но и относительного уровня налогообложения? И почему институты, лидирующие в этом процессе, т.е. налоговые государства Запада, одновременно занимают все более и более сильные позиции на международной политической арене и все больше и больше доминируют над всем остальным миром?

Задав эти вопросы, мы покидаем сферу экономической теории. Последняя отвечает на вопрос: «Если вводится налогообложение, то каковы будут последствия этого?» — и выводит свой ответ из понимания смысла человеческой деятельности, а также из понимания смысла налогообложения как частного случая таковой. Вопрос о том, почему существуют налоги, принадлежит к области психологии, истории или социологии. Экономика, точнее праксеология, признает, что все человеческие действия определяются идеями, верными или ошибочными, хорошими или плохими. Но она не пытается объяснить, каковы эти идеи и как люди приходят к ним или меняют их. Экономическая теория, напротив, считает их заданными и стремится объяснить логические следствия, вытекающие из того, что люди действуют на основе этих идей, каковы бы они ни были. История и социология, со своей стороны, задаются вопросом о том, каковы эти идеи, как люди приходят к ним и почему они действуют именно так, а не иначе.¹⁶

На самом абстрактном уровне ответ на вопрос, почему на-

---

¹⁶ Признание этих различий между экономикой, с одной стороны, и историей и социологией, с другой, разумеется, не означает, что первая дисциплина не имеет никакого значения для двух других. На самом деле ни одна общественная наука не может обойтись без экономической теории, поскольку она формулирует утверждения о том, чего ни при каких условиях не может произойти в мире социальных процессов, а что в определенных условиях произойдет с неизбежностью. Иными словами, законы экономической теории являются логическими ограничениями для любого исторического или социологического объяснения; любое описание событий, предложенное историком или социологом, нарушающее эти законы, следует оценивать как совершенно ошибочное. Обратное утверждение неверно: экономическая теория может быть сформулирована и развиваться и в отсутствие исторического и социологического знания. Единственное последствие — это то, что такая экономика будет, по всей вероятности, не слишком интересной, так как в ней не описываются примеры из реальной жизни и практические приложения — как если бы кто-нибудь взялся написать экономическую теорию налогообложения при том, что в истории отсутствовали бы примеры этого явления. — О взаимоотношении экономической теории и исторической науки см.: Mises (1985); Hoppe (1988).

логообложение постоянно увеличивается, формулируется следующим образом: глубинная причина в медленных, но кардинальных изменениях, которые претерпела идея справедливости в общественном сознании.

Объясним это утверждение подробнее. Человек может приобрести собственность двумя способами: либо путем присвоения ничьих природных объектов, производства и контрактного обмена, либо путем экспроприации и эксплуатации тех, кто занимается присвоением природных объектов, производством и контрактным обменом. Иных способов не существует.¹⁷ Оба способа естественны для человечества. Наряду с производством и обменом всегда имело место приобретение имущества непроизводительным и не контрактным путем. И подобно тому, как отдельные производства могут развиваться до фирм и корпораций, экспроприаторский и эксплуататорский бизнес может быть крупномасштабным и в ходе развития приобрести форму правительств и государств.¹⁸ То, что налогообложение существует и что существует тенденция к его увеличению, вряд ли должно удивлять, поскольку идея приобретения имущества вне производства и обмена почти столь же стара, как и идея обогащения производительным образом. И, естественно, экспроприатор, не меньше, чем производитель, предпочитает более высокий доход более низкому.

Решающее значение имеет следующий вопрос: «Что является сдержкой и ограничителем роста и размеров такого рода бизнеса?»

С самого начала должно быть понятно, что ограничения на размер фирм, занимающихся экспроприаторским бизнесом, имеют совершенно иную природу, чем ограничения роста предприятий, занимающихся производительным обменом. Вопреки утверждениям «школы общественного выбора», правительство и частная фирма не являются разновидностями бизнеса одного и того же типа, а занимаются абсолютно разными видами опе-

---

¹⁷ См. также: Oppenheimer (1914), особ. стр. 24-27; Rothbard (1977), гл. 2.

¹⁸ О теории государства, изложенной в последующих абзацах, в дополнение к работам, приведенным в предыдущей сноске, см. также: Spencer (1970); Herbert (1978); Nock (1983); Rothbard (1978); Rothbard (1982); Hoppe (1987); Jasay (1985).

раций.¹⁹

Размеры производственной фирмы ограничены, с одной стороны, потребительским спросом (который устанавливает определенный предел на достижимую сумму выручки), а с другой стороны — конкуренцией других производителей, которая заставляет любую фирму, желающую остаться в бизнесе, поддерживать затраты на минимальном уровне. Чтобы такое предприятие увеличивалось в размерах, оно должно обслуживать наиболее настоятельные желания потребителей наиболее эф-

---

¹⁹ Эта центральная идея «школы общественного выбора», в лице ее главнейших представителей, формулируется следующим образом: «Как экономические, так и политические отношения представляют собой совместные действия двух и более индивидов. И рынок, и государство служат средствами организации и, соответственно, осуществления этих совместных действий. Люди действуют совместно, обмениваясь товарами и услугами на организованных рынках, и такое сотрудничество приносит взаимную выгоду. Индивид вступает в отношения обмена, преследуя свои собственные интересы, которые он реализует, обеспечивая контрагента некоторыми товарами или услугами, приносящими тому прямые выгоды. С позиций индивидуалистической концепции государства бывают политические, или коллективные. Действия аналогичны отношениям обмена. Двое или более индивидов обнаруживают, что для них взаимовыгодно объединить усилия для реализации определенных совместных целей. Практически они «обмениваются» ресурсы на продукт, потребляемый всеми» (Buchanan, Tullock (1965), стр. 19); И. Шумпетер (Schumpeter (1942), стр. 198;) по этому поводу замечает: «Существование теории, проводящей аналогию между налогами и членскими взносами в клуб или, скажем, оплатой услуг врача, свидетельствует лишь о том, насколько далека эта область обществоведения от научного подхода». Г. А. Менкен (Mencken (1949), стр. 146-147), имея в виду тезис, подобный высказанному Бьюкененом и Таллоком, говорит: «Простой человек, каковы бы ни были его ошибки по иным поводам, по крайней мере ясно видит, что государство - это нечто отдельное от него и от большинства его собратьев, что оно является внешней, независимой от него и враждебной ему силой, которую он может лишь отчасти контролировать и которая способна нанести ему огромный ущерб: Разве не имеет значения тот факт, что обворовать правительство повсеместно считается меньшим преступлением, чем сделать то же самое с отдельным человеком или даже с корпорацией?.. Когда грабят частного гражданина, достойный человек лишается плодов своего труда и своей бережливости; но самое худшее, что может произойти в случае, если ограблено государство, - это то, что несколько мошенников и бездельников получают в свое распоряжение меньшую сумму денег. Не возникает даже мысли о том, что они заработали эти деньги, для любого здравомыслящего человека она выглядит просто смешной. Эти люди - просто мерзавцы, которые в силу непредвиденных последствий закона получили довольно сомнительное право распоряжаться частью доходов, заработанных их согражданами. Когда эта доля уменьшается по инициативе частных лиц, то такое дело скорее уж заслуживает похвалы»

фективным образом. Размер фирмы поддерживается только добровольными актами покупки со стороны потребителей.

Ограничения на размер другого типа фирмы — правительства или государства — носят совершенно иной характер. Прежде всего, явно абсурдно говорить о том, что их размер определяется спросом в том же смысле, в каком мы утверждаем это в отношении частных фирм. Никаким усилием воображения нельзя представить себе, что люди, занимающиеся присвоением предметов природы, производством и договорным обменом, вынужденные отдавать государству часть своего имущества, предъявляют спрос на услуги такого рода. Наоборот, чтобы они делали это, требуется принуждение. И это полностью доказывает тот факт, что спрос на «услуги» правительства на деле вообще отсутствует. Следовательно, спрос не может рассматриваться в качестве ограничителя роста государства. В той степени, в какой правительство увеличивает размеры, это происходит явным образом *вопреки* спросу.

Точно так же государство не имеет ограничителем роста конкуренцию в том смысле, в каком это имеет место в случае производственной фирмы. В отличие от последней, государству не обязательно поддерживать издержки функционирования на минимальном уровне. Оно может оперировать при более высоком уровне затрат, так как обладает возможностью переложить дополнительные издержки на других участников с помощью налогообложения и регулирования. Поэтому конкуренция по издержкам также не может рассматриваться в качестве фактора, ограничивающего размеры государства. Его рост всегда осуществляется вопреки тому факту, что оно неэффективно по затратам.

Все это, однако, не означает, что величина государственного аппарата вообще ничем не ограничена и что исторически наблюдаемые изменения размеров государств представляют собой случайные колебания. Речь идет о том, что характер ограничений, налагаемых на фирму под названием «государство», имеет фундаментальные отличия.

Рост размеров эксплуататорской фирмы ограничен не условиями спроса и не издержками производства, а состоянием общественного сознания или общественным мнением.²⁰ Такая

---

²⁰ См. также Rothbard (1974), особ. Р. 37-42.

структура не поддерживается добровольными платежами, а по самой своей природе требует насилия. Но, с другой стороны, у любого принуждения всегда есть жертвы, и с их стороны рост экспроприаторской фирмы встречает не поддержку, а сопротивление, активное или пассивное. Можно себе представить, что это сопротивление будет в конце концов сломлено, если речь идет об одном или нескольких людях, эксплуатирующих одного, двоих, троих или группу примерно сопоставимого размера. Однако невозможно себе представить, чтобы одна лишь голая сила объясняла распространенный в истории случай, когда ничтожное меньшинство успешно ведет бизнес по экспроприации населения в десятки, сотни, тысячи раз большего.²¹ Чтобы добиться этого, такая фирма, в придачу к силе принуждения, должна пользоваться общественной поддержкой. Большинство населения должно рассматривать ее деятельность как легитимную. Согласие может принимать различные формы — от бурного энтузиазма до молчаливого подчинения неизбежному. Но в любом случае должно иметь место принятие государства обществом в том смысле, что большинство должно отказаться от мысли об активном или пассивном сопротивлении попыткам непроизводительного и не договорного (т. е. насильственного) приобретения имущества. Вместо выражения возмущения такими действиями, вместо демонстрации презрения ко всем, кто так поступает, вместо отказа от любой помощи в этом (не говоря уж о попытках активно воспрепятствовать такого рода действиям) большинство должно активно или пассивно их поддерживать. Только в этом случае можно объяснить, как это немногие правят многими. Общественное мнение в поддержку государства должно перевешивать сопротивление пострадавших собственников настолько, что бесполезным представлялось бы любое активное сопротивление.

Состояние общественного мнения налагает ограничение на

---

²¹ Можно подумать, что правительство могло бы достичь такого невероятного результата просто с помощью более совершенного оружия: так сказать, угрожая атомными бомбами вместо пушек и ружей. Однако поскольку реалистично предположить, что технологические *know-how* производства более мощного оружия едва ли можно сохранять в секрете длительное время, особенно если это оружие применялось в деле, из этого следует, что вместе с усовершенствованием орудий устрашения будут совершенствоваться и средства сопротивления. Поэтому усиление мощи вооружений также не может дать адекватного объяснения.

величину государства и в другом аспекте. Каждая фирма, специализирующаяся на крупномасштабном бизнесе в сфере экспроприации чужой собственности, должна естественным образом стремиться к тому, чтобы стать монополистом на определенной территории. Чтобы процветать в такого рода деятельности, надо, чтобы было что экспроприировать; но если допустить конкуренцию, то, очевидно, вскоре не останется ничего, что можно было бы отнять. Поэтому, чтобы оставаться в бизнесе, надо быть монополистом.

Но даже если исключена внутренняя конкуренция, все еще остается конкуренция между правительствами, действующими на *разных* территориях. И это соперничество накладывает жесткие ограничения на размеры государства. С одной стороны, оно открывает для людей возможность «проголосовать ногами» против правительства, т. е. покинуть его территорию, если они считают, что условия жизни на других территориях менее обременительны. Естественно, для каждого государства эта проблема должна иметь решающее значение, т. к. оно в буквальном смысле слова живет за счет населения и любое сокращение населения является одновременно потерей потенциального дохода государства.²² И опять же, состояние общественного мнения крайне важно для поддержания правления эксплуататора. Государство может сохранять и усиливать свои позиции только в том случае, если ему удастся создать у народа впечатление, что условия на территории этого государства более благоприятны или, по крайней мере, более сносны по сравнению с другими.

Общественное мнение также играет решающую роль в случае агрессии одного государства против другого. Хотя это и не диктуется логической необходимостью, но природа государства как эксплуататорской фирмы делает весьма вероятной (не в последнюю очередь из-за упомянутой проблемы миграции населения) агрессию против «иностранной» территории, а также необходимость защищаться от аналогичной агрессии со стороны других государств.²³ Очевидно, что для успеха в такого рода

---

²² Достаточно вспомнить о многочисленных государствах, дошедших до того, что любой человек, совершивший этот страшный грех - попытавшийся покинуть территорию страны и уйти куда-нибудь в другое место, - безжалостно расстреливался.

²³ Тесной взаимосвязи между государством и войной посвящены следующие важные исследования: Krippendorff (1985) и Tilly (1985).

межгосударственных войнах или вооруженных столкновениях государство должно иметь в своем распоряжении достаточное (в относительном измерении) количество экономических ресурсов для материального обеспечения его действий. Но эти ресурсы могут быть предоставлены только производительной частью населения. Из-за необходимости обеспечения необходимых средств для победы в войне и для того, чтобы не столкнуться с сокращением производства в ходе войны, общественное мнение опять-таки оказывается решающим фактором, контролирующим масштабы государственной деятельности. Только если война пользуется народной поддержкой, государство может продолжать ее и имеет шанс ее выиграть.

Наконец, есть еще и третий способ, с помощью которого общественное мнение налагает ограничение на масштабы государства. Если поддержание господства правительства над эксплуатируемым населением осуществляется с помощью как принуждения, так и успешного манипулирования состоянием умов, то для поддержания внутреннего порядка в самой государственной организации, регулирующего отношения между ее различными подразделениями и их служащими, у правительства нет никакого другого средства, кроме общественного мнения. Очевидно, что вне государственной машины не существует никого, кто мог бы навязать ее составным частям выполнение внутренних правил. Принуждение к выполнению этих правил должно осуществляться исключительно с помощью соответствующего общественного мнения среди государственных служащих различных ветвей и подразделений власти.²⁴ Президент не может

---

²⁴ Этот тезис опровергает все толки о невозможности без государственного (анархического) строя, поскольку показывает, что отношения внутри государственного аппарата представляют собой разновидность анархии - политическую анархию. Он был разъяснен в важной статье Suzan: «Везде, где устанавливаются или существуют правительства, анархия запрещена для всех членов общества, обычно называемых подданными или гражданами. Они не могут более строить свои отношения друг с другом на своих условиях: Все члены общества должны включить извне в свои отношения некую третью сторону - правительство - третью сторону, обладающую силой принуждения, чтобы заставить исполнять ее предписания и наказывать непослушных: Однако этого порядка, установленного для общества и предусматривающего участие *третьей стороны*, не существует в отношениях между теми, кто сам осуществляет государственную власть. Иными словами, не существует *третьей стороны* при вынесении суждений и приведении их в исполнение среди отдельных членов, составляющих саму эту третью сторону. Члены...

силой заставить генерала идти на войну, на самом деле превосходящая физическая сила будет, вероятно, на стороне генерала. В свою очередь, генерал не может силой принудить своих солдат идти сражаться, убивать и умирать — на самом деле, они могли бы любой момент уничтожить его. Действия президента и генерала могут быть успешными только благодаря соответствующему состоянию общественного мнения внутри самого государственного аппарата, т. е. в той степени, в какой подавляющее большинство людей, находящихся на государственной службе, активно или хотя бы пассивно поддерживает их действия как легитимные. Если огромное большинство, принадлежащее к разным ветвям и подразделениям государственной власти, прямо противится политике президента, она не может быть успешно реализована. Генерал, который уверен, что его войска считают войну нелегитимной или что конгресс, IRS, подавляющее большинство служащих народного образования и так называемых социальных работников считают такие действия преступными и открыто им воспротивятся, — встанет перед неразрешимой задачей, даже если он сам поддерживает приказ президента.²⁵

Имея в виду, что именно общественное мнение, а не харак-

...правляющей группы друг в отношении друга остаются в состоянии анархии. Они улаживают споры и конфликты *между собой*, не прибегая к государству (т.е. чему-то, находящемуся вне их самих). Анархия по-прежнему существует. Но если в отсутствие государства это анархия свободного рынка, или естественная, теперь это - *политическая* анархия, или анархия внутри самой власти» (Cuzan (1979), стр. 152-153).

²⁵ Одна из классических формулировок этого тезиса принадлежит Д. Юму, который в своем трактате «О первоначальных принципах правления» писал: «Ничто не представляется более удивительным тем, кто рассматривает человеческие дела философски, чем та легкость, с которой меньшинство управляет большинством, и то безоговорочное смирение, с которым люди отказываются от собственных мнений и аффектов в пользу мнений и аффектов своих правителей. Если мы будем исследовать, при помощи каких средств достигается это чудо, то обнаружим, что так как *сила* всегда на стороне управляемых, то правители в качестве своей опоры не имеют ничего, кроме мнения. Поэтому правление основывается только на мнении; и это правило распространяется как на самые деспотические и диктаторские системы правления, так и на самые свободные и демократические. Египетский султан или римский император мог понукать своими безответными подданными, как бессловесной скотиной, вопреки их чувствам и склонностям; но они по крайней мере должны были руководить своими мамелюками или преторианской гвардией как людьми в соответствии с их мнением» (Hume (1971)).

теристики спроса и издержек производства, является фактором, ограничивающим рост государства, я возвращаюсь к моему первоначальному объяснению феномена постоянно возрастающего налогообложения «просто» как перемены в господствующих идеях.

Если мнение общества является лимитирующим фактором величины эксплуататорской фирмы, то логично объяснить ее рост в исключительно идеологических терминах. На самом деле, любое другое объяснение, т. е. не в терминах изменения идеологии, а на основе «объективных» факторов, должно в конечном итоге считаться ложным. Масштабы государства увеличиваются не из-за каких-то объективных причин, над которыми идеи не имеют никакой власти, и уж точно не из-за увеличения спроса. Это происходит потому, что меняются преобладающие в обществе идеи о том, что справедливо, а что несправедливо. То, что когда-то считалось преступным и заслуживающим соответствующего обращения и наказания, становится все более приемлемым и легитимным.

Что же произошло с представлениями о справедливости, разделяемыми широкой публикой?²⁶

После падения Римской империи Западная Европа постепенно перешла к весьма анархической системе, состоящей из территорий, управляемых небольшими феодальными правительствами. Благодаря этой системе международной анархии, которая ослабляла власть каждого отдельного правительства на своей территории и облегчала движение населения,²⁷ был

²⁶ Относительно приведенных ниже рассуждений см.: Rothbard M. N. *Left and Right: The Prospects of Liberty*// Rothbard (1974).

²⁷ Важная роль, которую сыграла международная анархия в разложении феодализма и росте капитализма, справедливо подчеркивалась Бехлером (Baechler (1976), особ. гл. 7). Он пишет: «Постоянное расширение рынка, как в пространственном отношении, так и вглубь, было результатом отсутствия политического порядка, единого на всем пространстве Западной Европы» (стр. 73). «Своим источником и *raison d'être* («причиной существования» (фр.). - Ред.) экспансия капитализма обязана политической анархии: Коллективизм и государственное управление торжествовали только в школьных учебниках» (там же, стр. 77). «Всякая власть стремится к тому, чтобы стать абсолютной. Если она не является таковой, то лишь благодаря тем или иным ограничениям, которые вступили в игру «:», и те, кто находятся у власти, в ее средоточии, непрестанно стремятся ослабить эти ограничения. Они никогда не достигают успеха по причине, которая, как мне кажется, так же неразрывно связана с международной системой:...

высвобожден естественный инстинкт человека, безошибочно утверждающий, что только частная собственность совместима с природой его как рационального существа. Этот инстинкт подпитывался идеологией естественного закона и естественных прав, возникшей и набиравшей все большее влияние среди интеллектуальной элиты католической церкви (единственного эффективно функционировавшего «международного» образовательного и идеологического института). Теория естественного права, опираясь на древние интеллектуальные традиции Запада — древнегреческую и стоическую философию, римское право и иудео-христианскую религиозную традицию, вела к утверждению идей универсальных человеческих прав, равной для всех свободы, частной собственности и свободы контракта.²⁸

Стали развиваться небольшие центры, в которых власть правительств уменьшилась до степени, невиданной в прежние времена — в городах северной Италии, особенно в Венеции, в городах Ганзейского союза, таких как Любек и Гамбург, и во

...ограниченные возможности для действий власти на внешней арене и постоянная угроза иностранного вторжения (две характерные черты многополярной системы) имеют своим следствием то, что власть так же ограничена в своих действиях внутри страны и вынуждена полагаться на независимые центры принятия решений, причем она может использовать их весьма бережно» (там же, стр. 78).

²⁸ Главной характеристикой современной традиции естественного права (представленной Св.Фомой Аквинским, Луисом Молиной, Франсиско Суаресом и испанскими схоластами конца XVI века, а также протестантским мыслителем Гуго Гроцием) является последовательный рационализм, т. е. идея имеющих универсальное значение, абсолютных и не изменных принципов человеческого поведения, которые, будучи в конечном итоге независимыми от каких бы то ни было теологических представлений, должны быть открыты и обоснованы разумом и только разумом. Как пишет Коплстон (Copleston (1955), стр. 213-214), человек «не может, так сказать, читать мысли Божественного разума, но он в состоянии различить глубинные стремления и потребности своей природы, и, размышляя над ними, он может прийти к пониманию естественного морального закона: Каждый человек обладает: светом разума, с помощью которого он может обдумать: и разъяснить самому себе естественный закон, который есть совокупность универсальных правил, диктуемых справедливым разумом в отношении блага, к которому следует стремиться, и зла, которого следует избегать». Об источниках и развитии доктрины естественных прав и содержащихся в ней идеях справедливости и собственности (включая все эти статистские ошибки и промахи ее вышеупомянутых героев) см. Tuck (1979); о революционном характере идеи естественного права см. Acton (1948); к числу выдающихся современных философов, принадлежащих к традиции естественного права, относится Veatch (1985)

Фландрии и Нидерландах, в частности, Антверпене и Амстердаме. Феодалные идеи личной зависимости, крепостного права и иерархически организованного общества, состоящего из жестко отделенных друг от друга классов, уступили место общественному мнению, поддерживавшему свободу, равенство, права собственности и договорные отношения. И эти представления все больше набирали силу благодаря постоянному притоку новых людей, вдохновленных такими же идеями и привлеченных беспрецедентным процветанием, которое, как теперь было доказано, может принести свобода.²⁹

Однако идеи человеческой рациональности, свободы и частной собственности в то время еще не получили достаточно распространения. Феодалные государства, укорененные в нескольких разрозненных областях, осознав угрозу, которую представляло такое развитие событий для их стабильности, смогли вновь консолидировать свою власть. Объединив территории в ходе длительной борьбы и войн между феодалными образованиями, образовав крупные государства и централизовав внутреннюю власть, они все же смогли успешно противостоять идеям

---

²⁹ О росте городов см. у Cipolla (1980), глава 4. Европа в 1000 году, пишет Чиполла, «была бедным и примитивным обществом: состоявшим из бесчисленных сельских микрокосмов - маноров (феодалных владений. - Прим. перев.). В обществе господствовал дух покорности, подозрительности и страха перед внешним миром: Ремесла, образование, торговля, производство и разделение труда были сведены к минимальному уровню. Деньги практически полностью вышли из употребления. Население было редким, производство - скудным, а бедность - чрезвычайной: Преобладавшие идеи соответствовали жестокому обществу, полному предрассудков, - сражения и молитвы считались единственным достойным занятием. На тех, кто трудился, смотрели как на презренных сервов: Среди этого мира, угнетающего и вместе с тем угнетенного, рост городов в период между X и XIII веками представлял собой новый элемент, который изменил ход истории» (стр. 144). «Рост городов коренился в массовом миграционном движении» (там же, стр. 145). Город представлял собой «фронтир», новый и динамичный мир, где люди чувствовали что могут разорвать свою связь с неприглядным прошлым, где они надеялись найти возможности для экономического и социального успеха, где склеротические традиционные институты и различия между людьми уже не имели значения и где инициатива, смелость и трудолюбие приносили обильное вознаграждение» (там же, стр. 146). «В феодальном мире обычно преобладал вертикальный способ организации, когда отношения между людьми определялись понятиями о феоде и службе, инвеституре и вассальной клятве, лорде, вассале и серве (крепостном). В городах возник горизонтальный способ организации, характеризующийся отношениями кооперации между равными» (там же, стр. 148). См. также Pirenne (1952); Tigar, Levy (1977).

свободы, пользовавшимся признанием лишь в немногих местах, и даже устанавливая еще более мощное эксплуататорское господство над этими территориями. Пришел век абсолютизма — век феодальных сверхдержав, монархий, которые успешно централизовали систему феодальной эксплуатации на своих территориях, которые впервые достигли размеров, приближающихся к хорошо знакомым современным национальным государствам. С победой абсолютизма соперничающие территории свободных городов были вновь брошены в пучину экономического упадка и застоя, в некоторых случаях продолжавшегося столетиями.³⁰

Но эта победа не привела к окончательному поражению идеи свободы и частной собственности. Наоборот, эти идеи нашли еще более сильных выразителей и все более и более овладевали общественным мнением. Под влиянием непрерывно развивающейся традиции естественного права возникла и овладела умами еще одна традиция, можно сказать, секуляризованный вариант предшествующей — то, что впоследствии было названо классическим либерализмом. Эта традиция еще более решительно концентрировалась на центральных понятиях индивидуальной свободы и собственности и посвящала себя их интеллектуальному обоснованию³¹. Кроме того, поощряемое недавним опытом непревзойденного процветания, достигнутого в условиях свободы и преобладания договорных отношений, семимильными шагами пошло вперед развитие экономического мышления. Этатистские доктрины меркантилизма, камерализма и *polizeiwissenschaft* — ортодоксия того времени — подверглись интеллектуальному уничтожению со стороны все более растущего числа новых политэкономов, которые систематиче-

---

³⁰ См. Webber, Wildavsky (1968), стр. 235; Pirenne (1952), стр. 179-180, стр. 227 ff.

³¹ Выдающимся представителем этой традиции был Джон Локк. «Каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что труд его тела и работа его рук по самому строгому счету принадлежат ему. Что бы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим трудом и присоединяет к нему нечто принадлежащее лично ему и тем самым делает его своей собственностью. Так как он выводит этот предмет из того состояния общего владения, в которое его поместила природа, то благодаря своему труду он присоединяет к нему что-то такое, что исключает общее право других людей» (Locke (1960), стр. 305). См. также: Bramsted, Melhuish (1978).

ски, с большой подробностью и проницательностью разъясняли незаменимую роль частной собственности и свободы контракта в процессе производства и образования богатства и, соответственно, провозглашали политику радикального *laissez-faire*.³²

Начиная примерно с 1700 года общественное мнение оказалось настолько захвачено этими идеями, что в абсолютистских монархиях Западной Европы возникли революционные условия. Англия в XVII веке уже прошла через несколько революций, которые серьезно поколебали власть абсолютистского государства. XVIII век закончился катаклизмами Американской и Французской революций. Примерно до середины XIX века непрерывная череда восстаний привела к постепенному снижению роли государства до самого низкого уровня за всю историю Западной Европы.

Идея, которая овладела общественным мнением и сделала возможным такое сокращение власти государства, состояла в том, что личная свобода и частная собственность справедливы, самоочевидны, естественны, ненарушимы и святы и что любой нарушитель этих прав, причем представитель государства не в меньшей, а даже в большей степени, чем частный правонарушитель, должен восприниматься как презренный изгой и встречать соответствующее обращение.

С каждым новым шагом к освобождению движение приобретало все большую силу. Вдобавок так называемая Промышленная революция, которая была вызвана этими идеологическими изменениями и принесла с собой неслыханные темпы экономического роста, давшие возможность поддерживать существование непрерывно растущего населения и медленно, но неуклонно повышать общий уровень жизни, вызвала прилив почти безудержного оптимизма.³³ Конечно, даже в первой половине XIX века, когда идеология свободы, частной собственности и недоверия к государственной власти достигла наибольшей популярности, в Западной Европе в изобилии присутствовал и абсолютистский деспотизм. Но прогресс, направленный ко все

³² О развитии экономической теории в этот период см.: Grice-Hutchinson (1952); Roover (1974); Rothbard (1976). В частности, о выдающемся вкладе Кантильона и Тюрго см. специальный выпуск (Vol. VII. № 2. 1985), который полностью посвящен трудам Кантильона, а также Rothbard (1986) и Schumpeter (1954).

³³ О промышленной революции и ее ложной интерпретации в ортодоксальной («школьной») историографии см. Hayek (1963).

большему ослаблению государственной эксплуатации, к свободе и экономическому процветанию, казался практически неостановимым.³⁴ Вдобавок, теперь существовала независимая Америка, свободная от феодального прошлого, в которой вообще, можно сказать, не было никакого правительства и которая выступала в роли, аналогичной свободным городам Средневековья, служа источником идеологического воодушевления и центром притяжения — теперь даже в большей степени, чем раньше.³⁵

³⁴ На самом деле, хотя упадок либерализма начался примерно в середине XIX века, порожденный им оптимизм оставался в силе вплоть до начала XX века, так что Дж. М. Кейнс мог написать: «Каким необыкновенным эпизодом в экономическом прогрессе человека был тот век, конец которому пришел в августе 1914 года! Это правда, что большая часть населения была занята тяжелой работой и жила в условиях низкого уровня комфорта, однако была, судя по всему, вполне удовлетворена своей судьбой. При этом для любого человека, обладающего способностями и характером, превосходящими средний уровень, существовала возможность перехода в средний и высший классы, для которых жизнь предлагала, с минимальными издержками и при минимальных заботах, комфорт и удобства, находящиеся за пределами возможностей богатейших и могущественнейших монархов прошлых веков: Но, что важнее всего, он [человек] считал такое положение дел нормальным, гарантированным и вечным, если не считать дальнейших улучшений, а любое отклонение - позорным исключением, которого всегда можно избежать. Проекты и политические инициативы в духе милитаризма и империализма, расовой и культурной вражды, монополий, ограничений и запретов, которым в этом раю была предназначена роль змея-искусителя, оставались не более чем забавными сюжетами его ежедневных газет и, как казалось, не оказывали никакого влияния на ход повседневной социальной и экономической жизни, которая на практике была почти полностью интернационализирована» (Keynes (1919), стр 6-7). Аналогичное свидетельство см. в работе: Taylor (1965), стр 1.

³⁵ Характеризуя Америку XIX века, Р. Хигс пишет: «Давным-давно было время, когда средний американец мог заниматься своими повседневными делами, практически ничего не зная о существовании правительства - особенно федерального правительства. В своем качестве фермера, торговца или промышленника он мог решать, что, как, когда и где производить и продавать, встречая мало иных ограничений, кроме сил свободного рынка. Только подумайте: ни субсидий сельскому хозяйству, ни мер по поддержанию цен, ни контроля за величиной посевных площадей; ни Федеральной комиссии по торговле (FTC), ни антимонопольного законодательства, ни Комиссии по торговле между штатами (ITC). В качестве работодателя, работника, инвестора, заимодавца, заемщика, студента или учителя он мог действовать в меру собственных способностей. Представьте себе: ни Национального совета по трудовым отношениям (NLRB), ни федеральных законов о «защите» прав потребителя, ни Комиссии по биржам и ценным бумагам (SEC), ни Комиссии по равным возможностям в сфере занятости (EEOC), ни Департамента здравоохранения и гуманитарных услуг (DHHS). В отсутствие центрального банка, выпускающего национальную валюту, люди обычно расплачивались...

Сегодня мало что сохранилось от этой этики частной собственности и недоверия к государству. Хотя присвоение частной собственности государством в наше время имеет место в гораздо больших масштабах, оно считается легитимным. В общественном мнении государство больше не рассматривается как антиобщественный институт, основанный на принуждении и несправедливом присвоении собственности, которому нужно противостоять и который заслуживает осмеяния. Никто больше не считает морально предосудительным пропаганду и, что еще хуже, активное участие в актах экспроприации; и уже не является общепринятым мнение, что следует избегать частных контактов с людьми, участвующими в такого рода деятельности.

Наоборот, вместо того, чтобы быть встречаемыми с неприязнью, открытой враждебностью или скрытым негодованием, эти люди считаются вполне достойными и порядочными. Политик, активно поддерживающий дальнейшее существование системы принудительного отъема собственности путем налогообложения и регулирования и даже требующий ее расширения, повсеместно пользуется уважением, а не презрением. Интеллектуал, оправдывающий налоги и государственное регулирование, получает признание в глазах публики как глубокий и серьезный мыслитель, вместо того чтобы представляться образчиком интеллектуального мошенника. К налоговому инспектору относятся как к человеку, занимающемуся таким же честным трудом, как и мы с вами, а не как к изгою, которого никто не хочет иметь в качестве родственника, друга или соседа.

Как же удалось государству повернуть эту грандиозную операцию и так изменить состояние общественного сознания, что прежние ограничения на размеры государства исчезли, и стал возможным (и поныне продолжает оставаться возможным) его рост как в абсолютном, так и относительном выражении?³⁶

...золотыми монетами. Не было ни налогов с продаж, ни налогов на социальное страхование, ни подоходного налога. Хотя государственные чиновники были такими же коррумпированными, как и сегодня - может быть, даже еще хуже - в их распоряжении было гораздо меньше возможностей, ради которых их стоило бы подкупать. Частные граждане тратили примерно в пятнадцать раз больше, чем все уровни и ветви правительства вместе взятые» (Higgs (1987), стр. xi).

³⁶ О нижеследующем см., в частности: Dicey (1981); Halevy (1961); Greenleaf (1983-87); Ekirch (1976); Higgs (1987).

Несомненно, ключевым элементом этого переворота в общественном мнении было возникновение новых, привлекательных, явно или неявно этатистских идеологий, которые стали приобретать господствующее влияние в Западной Европе примерно с середины XIX века, затем в США на рубеже XIX и XX веков, а после Первой мировой войны — повсеместно,³⁷ причем во все более ускоряющемся темпе.

На самом деле, правительства всегда очень хорошо понимали решающую роль идеологий, поддерживающих государство, для стабилизации и усиления своей эксплуататорской власти над населением и, сознавая это, постоянно предпринимали попытки, в первую очередь, расширить сферу своего контроля над образовательными институтами. Поэтому выглядит вполне естественным, что, когда у них было меньше всего власти, правительства уделяли все большее внимание проблеме «правильного» идейного воспитания и сосредоточивали все имевшиеся у них силы на разрушении независимых институтов образования и на создании монополярной системы, находящейся под полным государственным контролем. Соответственно, на протяжении всего рассматриваемого периода имел место процесс постепенной национализации или социализации школ и университетов (одним из недавних примеров может служить неудачная попытка правительства Франции во времена Миттерана ликвидировать институт католических школ) и увеличения сроков обязательного школьного обучения.³⁸

Однако признание этого факта, а также тесно связанных с ним процессов все большего сближения интеллектуалов с государством³⁹ и переписывания ими истории в соответствии с этатистскими идеологиями означает не столько разрешение проблемы, сколько ее переформулирование. В самом деле, услышав о присвоении государством системы образования, естественно задать вопрос: как могло оно достичь успеха в этом деле, если общественное мнение действительно было привержено этике частной собственности? Сам этот захват уже предполагает изменение в общественном сознании. Как же он мог быть осущест-

---

³⁷ Об эксцессах этатизма во всемирном масштабе, начиная с Первой мировой войны, - см.: Johnson (1983).

³⁸ Об отношениях государства и образования см.: Rothbard (1972).

³⁹ Взаимоотношениям интеллектуалов с государством посвящена работа Benda (1969).

влен, если такие перемены подразумевают принятие очевидно ложных идей и поэтому вряд ли могут быть объяснены как эндогенно мотивированный процесс интеллектуального развития?

Представляется, что такое уклонение ко лжи и неправде требует систематического воздействия внешних сил. Истинная идеология способна защитить себя просто в силу того, что она истинна. А ложная идеология, чтобы создать и поддерживать атмосферу интеллектуальной коррупции, нуждается в подкреплении внешними влияниями, предполагающими явное, осязаемое воздействие на людей. Именно к этим вещественным факторам, подкрепляющим и усиливающим идеологию, следует обратиться исследователю, чтобы понять причины упадка этики частной собственности и соответствующего роста этатизма в течение последних 100-150 лет.⁴⁰

Ниже я приведу четыре таких фактора и объясню их разлагающее воздействие на общественное мнение. Все они представляют собой изменения в организационной структуре государства. Первый из них — это структурное преобразование государства из военного или полицейского в перераспределительное. (Прототипом такого организационного изменения была бисмарковская Пруссия, с которой часто брали пример правительства других стран.) Вместо правительственной структуры, характеризуемой небольшим правящим классом, который использует приобретенные эксплуатацией ресурсы исключительно на государственное потребление или на содержание военных и полицейских сил, стала возникать новая структура, при которой правительства все больше и больше занимаются покупкой политической поддержки со стороны людей, не входящих в состав самого государственного аппарата. С помощью системы перераспределительных выплат, предоставления привилегий тем или иным группам поддержки, а также производства и бесплатного предоставления некоторых «общественных» благ и услуг (например, образования) население делается все более зависимым от существующего государства. Люди, не являющиеся членами государственного аппарата, приобретают все большую материальную выгоду от его существования, и потеря правительством власти означала бы для них осязаемые потери в материальных средствах к существованию. Вполне естествен-

---

⁴⁰ Об этом см. в частности: Норре (1985), гл. 1,5; и Норре (1988), гл. 8.

но, что эта зависимость ведет к уменьшению сопротивления и к увеличению поддержки: эксплуатация может по-прежнему считаться достойной осуждения, но менее предосудительной с точки зрения человека, в некоторых случаях имеющего право на получение доходов от такого рода деятельности.

Понимая ее разлагающее влияние на общественное мнение, государства все больше и больше вовлекаются в политику перераспределения. Увеличивается доля расходов государства на нужды населения по сравнению с военными расходами и государственным потреблением. Последние два вида расходов могут при этом стабильно возрастать в абсолютном выражении — и так происходит практически повсеместно вплоть до сегодняшнего дня, — но их масштабы уменьшаются по сравнению с тем, что тратится на цели перераспределения.⁴¹

В зависимости от особенностей состояния общественного мнения, политика перераспределения обычно принимает одну из двух форм, а зачастую, как в случае Пруссии, и обе одновременно. С одной стороны, это *Sozialpolitik*, или так называемое «государство благосостояния», обычно подразумевающее перераспределение от «имущих» из числа производителей в пользу «неимущих». С другой стороны, это политика картелизации бизнеса и государственного регулирования экономики, означающая, как правило, перераспределение от «неимущих» или «еще неимущих» производителей к «уже имущим», т. е. производителям, связанным с уже сложившимся бизнесом. При введении *Sozialpolitik* обычно апеллируют к уравнительным устремлениям публики, при этом существенная часть ее может быть развращена настолько, что принимает государственную эксплуатацию в обмен на обеспечение государством «социальной справедливости». Что касается политики картелизации и регулирования бизнеса, то здесь имеет место апелляция к консервативным настроениям, особенно среди буржуазного истеблишмента, и последний может прийти к поддержке принудительного (неконтрактного) присвоения собственности государством в обмен на приверженность последнего к сохранению статус-кво. Таким образом, эгалитарный социализм и консерватизм превращаются в этатистские идеологии. Они конкурируют друг с другом в том

---

⁴¹ Об этой тенденции см.: Webber, Wildavsky (1986), стр. 558 ff.; о перераспределении как таковом см. также Jasay (1985), гл. 4.

смысле, что отстаивают несколько разные перераспределительные модели, но их соперничающие усилия сходятся и объединяются в общей поддержке этатизма и государственного перераспределения собственности.

Другим структурным сдвигом, способствовавшим ослаблению этики частной собственности, стало изменение конституций государств. В ответ на вызов, предъявляемый этикой частной собственности, государства совершили переход от самодержавной монархии или аристократической олигархии к тому типу государства, который ныне хорошо известен нам под именем либеральной демократии.⁴² Если раньше государство как институт ограничивало включение в состав себя и/или занятие тех или иных государственных позиций с помощью системы законодательства, носившего кастовый или классовый характер, то теперь конституция государства все больше и больше открывает, по крайней мере, в принципе, возможность любому человеку занять любой государственный пост и предоставляет всеобщие и равные права участвовать в формировании государственной политики и конкурировать за влияние на нее.

Теперь каждый — а не только «знатные люди» — получает законную «долю» в государстве, и, соответственно, уменьшается воля к сопротивлению его власти. Хотя эксплуатация и экспроприация может по-прежнему представляться плохим делом, но люди есть люди, и в конце концов оно может показаться не таким уж дурным, если получить возможность в нем поучаствовать. Причем если раньше амбиции властолюбцев, не принадлежащих к аристократии, оставались неудовлетворенными, то теперь появилась институционализируемая возможность для их реализации.

Ценой демократизации своего устройства государство в значительной степени развращает общественное мнение, которое перестает осознавать тот фундаментальный факт, что акт эксплуатации и экспроприации в своих видимых проявлениях и в своих последствиях остается тем же самым вне зависимости от того, как и кем он задуман и осуществлен. Вместо этого государство соблазняет подданных идеей о том, что такие акты являются легитимными, если каждому гарантировано право голоса

---

⁴² См.: Bendix (1978).

по поводу происходящего и каждый может в какой-то форме принять участие в избрании должностных лиц государства.⁴³

Эта разлагающая роль демократизации как стимула к возрастанию власти государства с большой проницательностью описана Бертраном де Жювенелем:

С XII по XVIII вв. власть правительств непрерывно росла. Этот процесс понимали все, кто его наблюдал, и он побуждал их к непрекращающемуся протесту и к жесткой реакции. В последующий период этот рост продолжался все ускоряющимися темпами, и его распространение привело к соответствующему распространению милитаризма. И теперь мы больше не понимаем этого процесса, не протестуем и не реагируем. Наше бездействие — это новшество, которым Власть обязана той дымовой завесе, которой она себя прикрыла. Раньше она была видима, явлена в личности короля, который не отрицал того, что является господином, и в котором можно было различить человеческие страсти. Теперь, под прикрытием анонимности, Власть заявляет, что не существует сама по себе, а является безличным и бесстрастным инструментом общей воли. Но это очевидная фикция. ... Ныне, как и всегда, Власть находится в руках группы людей, которые контролируют ее рычаги: Все изменения сводятся к тому, что теперь у управляемых появилась возможность относительно легко менять персональный состав тех, кто держит Власть в своих руках. С одной стороны, это ослабляет Власть, так как воли, контролирующие жизнь общества, могут быть по желанию общества заменены другими волями, к которым оно испытывает большее доверие. Но, открывая для всех амбициозных и талантливых людей перспективы достижения Властью, это установление намного облегчит расширение Властью. При «старом порядке» лидеры общества, знавшие, что не имеют никаких шансов получить долю Властью, в случае малейшего посягательства с ее стороны немедленно выступали с ее осуждением. В наше время, когда каждый в принципе может стать министром, никто не заботится о том, чтобы обуздать контору, которую однажды он сам может возглавить, или сыпануть песка в машину, которую он сам соби-

---

⁴³ О социальной психологии демократии см.: Mosca (1939), Mencken (1926); о тенденции демократического правления к «вырождению» в олигархическое см.: Michels (1957).

рается использовать, когда придет его очередь. Этим и объясняется всемерное содействие расширению власти со стороны политических кругов современного общества.⁴⁴

Еще два фактора, позволившие государству адаптироваться, подняться с самой низкой отметки популярности и вырасти до нынешних размеров, связаны со сферой межгосударственных отношений. С одной стороны, как уже говорилось ранее и только что было упомянуто вновь де Жювенелем, государства как монополистические организации-эксплуататоры склонны ввязываться в межгосударственные войны. Если эксплуататорская власть внутри страны слаба, то увеличивается стремление компенсировать эти потери с помощью внешней экспансии. Но это желание остается неудовлетворенным из-за отсутствия внутренней поддержки. Необходимая поддержка создается с помощью политики перераспределения, регулирования промышленности и демократизации. (Фактически государства, которые не принимают этих мер, обречены на поражение в любой длительной войне!) Эта поддержка затем используется как трамплин для реализации экспансионистских устремлений государства.

Перераспределение, регулирование и демократизация сами по себе подразумевают более тесную идентификацию населения с определенным государством и поэтому почти автоматически ведут к усилению протекционистского, а то и открыто враждебного отношения ко всем «чужакам». Кроме того, отдельные производители, пользующиеся государственными привилегиями, по природе своей враждебны к «иностранной» конкуренции. Все это дает возможность государству и его интеллектуальным прислужникам трансформировать вновь приобретенную поддержку населения в гремучую смесь национализма, создавая интеллектуальную основу для интеграции уравнилельно-социалистических, консервативных и демократических настроений.⁴⁵

Подкрепляемые национализмом, государства начинают

---

⁴⁴ Jouvenel (1949).

⁴⁵ О национализме, империализме, колониализме - и об их несовместимости с классическим либерализмом - см.: Mises (1985a); Mises (1983); Schumpeter (1955); Davis, Huttenback (1986).

проводить экспансионистский курс. Начинается более чем вековая, почти непрерывная череда войн и империалистических экспедиций, превосходящих одна другую в жестокости и разрушительности, все больше вовлекающих мирное население. Она достигла кульминации в двух мировых войнах, хотя, конечно, ими не закончилась. Действуя от имени социалистических, консервативных или демократических наций, государства с помощью войн расширили свои территории до размеров, по сравнению с которыми даже римская империя кажется незначительным образованием, и стерли с лица земли или подчинили иноземному господству все возрастающее число разных в культурном отношении народов.⁴⁶

Однако идеология национализма не только принесла с собой экспансию государственной власти вовне. Война, как естественный продукт национализма, одновременно является средством усиления государства в его способности эксплуатировать и экспроприировать население собственной страны. Каждая война одновременно означает чрезвычайную ситуацию внутри страны. Критическое положение требует и предоставляет видимое оправдание усилению контроля государства над собственным населением. Этот усиленный контроль, приобретенный с помощью кризисов, обычно вновь ослабляется в мирное время. Но он никогда не возвращается к довоенному уровню. Наоборот, каждая успешно завершенная война (а выжить могут, конечно, только успешные правительства) используется правительством и его интеллектуалами для бесконечной пропаганды идеи, что только благодаря бдительности нации и расширению полномочий правительства удалось разгромить «внешнего агрессора» и спасти родную страну и что рецепт этого успеха должен быть сохранен, чтобы быть готовыми к отражению очередной напасти. Таким образом, каждая новая успешная война, проведенная националистическим режимом «победившей» нации, имеет своим итогом достижение нового рекордного для мирного времени уровня государственного контроля. Поэтому победа еще больше усиливает желание правительства устроить еще какой-нибудь международный кризис, из которого оно имеет шанс выйти победителем.⁴⁷

---

⁴⁶ См.: Krippendorf (1985); Johnson (1983).

⁴⁷ Этот процесс является главной темой книги Р. Хигса: Higgs (1987).

Каждый новый мирный период означает более высокий уровень государственного вмешательства по сравнению с предыдущим. Внутри страны — в форме дальнейшего ограничения на спектр возможностей, которые дозволено выбирать частным собственникам в отношении использования принадлежащего им имущества. Во внешних делах — в форме более высоких торговых барьеров и, в частности, все более строгих ограничений на передвижение населения (пресловутые ограничения эмиграции и иммиграции). И каждый новый мирный период, не в последнюю очередь потому, что основан на увеличившейся дискриминации против иностранцев и международной торговли, либо несет в себе еще больший риск нового международного конфликта, либо же подталкивает соответствующие правительства к заключению двусторонних или многосторонних межгосударственных соглашений, направленных на картелизацию их властных структур и, следовательно, совместную эксплуатацию и экспроприацию населения всех стран-членов.⁴⁸

Изменения, произошедшие в трех перечисленных направлениях, неизбежно повлекли еще одно, в частности, из-за непрекращающегося процесса межгосударственного соперничества, кризисов и войн. В отличие от перераспределения, демократизации и милитаризации, это изменение является не столько результатом действий самого государства (точно так же, как и существование межгосударственной конкуренции не есть результат намеренных действий того или иного государства), сколько, используя модную хайковскую терминологию, непреднамеренным следствием того факта, что при отсутствии одного государства, доминирующего над всем миром, существование разных государств накладывает значительные ограничения на размеры и структуру каждого из них.

Однако это структурное изменение должно быть рассмотрено независимо от того, является ли оно намеренным или непреднамеренным, если мы хотим достичь полного понимания исторического процесса, создавшего современный этатистский мир. Кроме того, именно оно в конечном итоге дает ответ на во-

---

⁴⁸ По всей видимости, наиболее вредоносной разновидностью таких соглашений является ограничение на въезд на ту или иную территорию лиц, не являющихся преступниками, и о принудительной высылке обратно на родину. Тем самым жители принимающей страны лишаются возможности предложить им работу.

прос, почему тип государства, основанного на массивном налоговом перераспределении, является доминирующим в современном мире.

Достаточно легко объяснить, каким образом государства Западной Европы и Северной Америки, пройдя в XIX-XX веках через ряд националистических войн, смогли прийти к доминированию над всем остальным миром и наложить на него свой отпечаток. Вопреки утверждениям бурно расцветшего в последнее время культурного релятивизма, причиной является тот очевидный факт, что эти государства являются продуктом обществ с более высокой интеллектуальной традицией. Это традиция западного рационализма с его центральными идеями индивидуальной свободы и частной собственности. Эта традиция заложила основу для создания экономического богатства, намного превосходящего то, что имелось в других странах. И нет ничего удивительного, что государства Запада, паразитически используя накопленное богатство, смогли одержать военную победу над всеми остальными.

И точно так же совершенно очевидно, почему большинству завоеванных и переустроенных не-западных государств — правда, за весьма примечательным исключением некоторых стран тихоокеанского бассейна — вплоть до сегодняшнего дня не удалось существенно повысить свой международный статус или даже сравняться с национальными государствами Запада даже после того, как они добились политической независимости от западного империализма. Не обладая собственной традицией рационализма и либерализма, эти государства испытывали естественное желание имитировать или пересадить на местную почву «победоносные» импортные идеологии социализма, консерватизма, демократии и национализма, т. е. те самые идеологии, почти исключительно воздействию которых подвергалась интеллектуальная элита этих стран в ходе обучения в Оксфорде и Кембридже, Гарвардском и Колумбийском университетах, в Лондоне, Париже и Берлине. И, естественно, смесь этих этатистских идеологий, не сдерживаемая сколько-нибудь существенной этической традицией частной собственности, принесла с собой экономическую катастрофу, после чего уже не могло быть и речи о какой-либо существенной роли в международной политике.⁴⁹

---

⁴⁹ По проблемам так называемого «третьего мира» см.: Bauer, Yamey (1957); Bauer (1972); Bauer(1981); Andreski (1969); Andreski (1966).

Однако менее очевиден ответ на следующий вопрос: что, если страны Запада будут воевать между собой? От чего зависит победа в таком конфликте, и чем определяется поражение? Перераспределение, демократизация и национализм в этом случае, естественно, уже не могут служить объяснением, так как, по предположению, все эти государства уже прибегли к такой политике, чтобы укрепить свою власть внутри страны и подготовиться к внешним войнам.

Ответ заключается в следующем. Аналогично тому, как более мощная традиция этики частной собственности явилась причиной доминирования этих государств над не-западным миром, точно так же, *ceteris paribus*, относительно более либеральная политика объясняет успех (в долгосрочном плане) в борьбе за выживание между самими государствами Запада. Те из них, которые в своей внутренней перераспределительной активности стремились уменьшить роль консервативно мотивированной политики экономического регулирования по сравнению с социалистически мотивированной политикой налогообложения, имеют тенденцию опережать своих конкурентов на международной арене.

Регулирование, при котором государства либо принуждают к совершению обменов, либо запрещают те или иные обмены между двумя и более частными лицами, является таким же вторжением в сферу частной собственности, как и налогообложение. И в том и в другом случае перераспределительной активности представители государства увеличивают свой доход за счет соответствующего уменьшения доходов других людей. Однако регулирование, будучи в целом не менее разрушительным для производства, чем налогообложение, имеет ту особенность, что требует от государства расходования экономических ресурсов для своего обеспечения, но при этом не увеличивает количество таких ресурсов в его распоряжении. На практике это означает, что оно требует сбора и расходования налоговых поступлений, но не увеличивает денежных доходов государства. Если исключить денежную поддержку, которую государство или его представители могут получить от групп, извлекающих прямую материальную выгоду от тех или иных мер, то регулирование приносит доход исключительно в виде удовлетворения жажды власти (как, например, если А, не имея от этого никакой материальной выгоды, законодательно запрещает В и С осуществлять взаимовыгод-

ные обмены друг с другом). С другой стороны, налогообложение и перераспределение налоговых поступлений по принципу «отнять у Петра и отдать Павлу» увеличивает количество экономических ресурсов в распоряжении правительства, например, путем присвоения «комиссионных» за эту деятельность. Но при этом оно может не приносить никакого иного удовлетворения (оставляя в стороне признательность со стороны Павла), кроме обладания определенными экономическими ресурсами и возможности тратить их по собственному усмотрению.⁵⁰

Межгосударственные конфликты и войны требуют экономических средств, и чем чаще они случаются и чем более они продолжительны, тем больше на них необходимо ресурсов. На самом деле, те государства, которые контролируют большие экономические ресурсы, которые можно потратить на военные усилия, при прочих равных условиях имеют тенденцию одерживать победы. И поскольку политика чистого налогообложения без регулирования приносит государству больший денежный доход, чем политика чистого регулирования или налогообложения вместе с регулированием, то, во избежание внешнего поражения, государства должны волей-неволей двигаться в направлении относительно дерегулированной экономики и относительно более чистого налогового государства.

Именно относительные преимущества налогового государства перед регулятивным в сфере международной политики объясняют тот факт, что США приобрели статус главной мировой империалистической державы,⁵¹ а также поражение таких в высшей степени регулятивных государств, как гитлеровская Германия и фашистская Италия, слабость Советского Союза и его союзников по сравнению с НАТО и сравнительно недавние шаги администрации Рейгана и, в меньшей степени, правительства Тэтчер к экономическому дерегулированию и, одновременно, к более агрессивной внешней политике.

Таков итог праксеологически обоснованного социологического описания эволюции нынешнего этатистского мира и, в

---

⁵⁰ О регулировании и налогообложении как различных формах агрессии против частной собственности, а также экономической теории и социологии этих форм см.: Rothbard (1977); Hoppe (1988a).

⁵¹ Об империалистической внешней политике вообще и США в частности см.: Krippendorff (1985). Гл. III, 1; Rothbard (1978), гл. 14.

частности, роста современного налогового государства. В заключение позволю себе, основываясь на этом понимании, дать несколько кратких замечаний по поводу того, что могло бы дать возможность преодолеть налоговое государство.

С ним нельзя бороться с помощью бойкота, как с частным бизнесом, так как институт, занятый бизнесом в сфере экспроприации и эксплуатации, не обращает внимания на отрицательный вердикт, выражаемый бойкотом. Нельзя противостоять налоговому государству и путем оборонительного насилия, направленного против его агрессии, так как эта агрессия поддерживается общественным мнением. Поэтому все зависит от перемены в отношении населения к государству. Этика частной собственности — т. е. идея о том, что частная собственность является справедливым институтом и единственным путем к экономическому процветанию и что государство является антиобщественным институтом, разрушительно действующим на процесс накопления богатства, — эта идея должна возродиться и вновь давать вдохновение умам и сердцам. Конечно, когда кругом господствуют этатистские идеологии национализма, демократии и перераспределения (в ее социалистической либо консервативной разновидности), это может временами казаться безнадежным делом. Но господствующие идеи менялись в прошлом и могут меняться и в будущем. На самом деле, они могут измениться в одно мгновение.⁵² А идея частной собственности имеет одно несомненное преимущество: она и только она является подлинным выражением природы человека как разумного существа.⁵³

---

⁵² См. опять же Voetie (1975): «Прими решение больше не быть рабом – и ты сразу станешь свободным. Я не призываю тебя поднять руку на тирана и свергнуть его, но лишь перестать поддерживать его; и ты увидишь, как он, как огромный колосс, из-под которого вынули пьедестал, упадет под тяжестью собственного веса и разлетится на мелкие кусочки» (стр. 52-53).

⁵³ Рациональное (априористическое) обоснование этики частной собственности см. в статье Хоппе в Rockwell (1988); Hoppe (1988с).

Цитируемые работы

- Acton, Lord J.** (1948). *Essays on Freedom and Power*. Glencoe: Free Press.
- Andreski, St.** (1969). *The African Predicament*. New York: Atherton Press.
- Andreski, St** (1966). *Parasitism and Subversion*. New York: Pantheon.
- Atkinson, A. B. and Stiglitz, J. E.** (1980). *Lectures on Public Economics*. New York: McGraw Hill (русский перевод: Аткинсон Э.Б., Стиглиц Д.Э. Лекции по экономической теории государственного сектора. М.: Аспект-Пресс, 1995).
- Baechler, J.** (1976). *The Origins of Capitalism*. New York: St Martin's.
- Bauer, P. T.** (1981). *Equality, The Third World and Economic Delusion*. Cambridge: Harvard University Press.
- Bauer, P. T.** (1972). *Dissent on Development*. Cambridge: Harvard University Press.
- Bauer, P. T. and Yamey, B. S.** (1957). *The Economics of Under-Developed Countries*. London: Nisbet and Co.
- Baumol, W. and Blinder, A.** (1979). *Economics: Principles and Policy*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Benda, J.** (1969). *The Treason of the Intellectuals*. New York: Norton.
- Bendix, R.** (1978). *Kings or People*. Berkeley: University of California Press.
- Boetie, E. de la** (1975). *The Politics of Obedience: The Discourse of Voluntary Servitude* (ed. M. N. Rothbard). New York: Free Life Editions.
- Bramsted, E. K. and Melhuish, K. J., eds.** (1978). *Western Liberalism*. London: Longman.
- Break, G. F.** (1974). *The Incidence and Economic Effects of Taxation // idem. The Economics of Public Finance*. Washington, D. C.: Brookings.
- Buchanan, J. and Tullock, G.** (1965). *The Calculus of Consent*. Ann Arbor: University of Michigan Press (русский перевод в книге: Бьюкенен Дж.М. Сочинения. М.: Таурис-Альфа, 1997).
- Cipolla, C. M.** (1980). *Before the Industrial Revolution: European Society and Economy 1000-1700*. New York: Norton.

Copleston, F.C. (1955). *Aquinas*. London: Penguin Books.

Cuzan, A. G. (1979). *Get Out of Anarchy» // Journal of Libertarian Studies*. Vol. 3. № 2.

Davis, L. E. and Huttenback, R. A. (1986). *Mammon and the Pursuit of Empire: The Political Economy of British Imperialism 1860-1912*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dicey, A. V. (1981). *Lectures on the Relation Between Law and Public Opinion in England*. New Brunswick: Transaction Books.

Dolan, E. ed. (1976). *The Foundations of Modern Austrian Economics*. Kansas City: Sheeh and Ward.

Ekelund, R. and Tollison, R. (1988). *Microeconomics*. Glenview: Scott, Foresman and Co.

Ekirch, A. E. (1976). *The Decline of American Liberalism*. New York: Atheneum.

Fisher, St., Dornbusch, R. and Schmalensee, R. (1988). *Microeconomics (2nd ed.)*. New York: McGraw Hill.

Fusfeld, D. R. (1987). *Economics: Principles of Political Economy (3rd ed.)*. Glenview: Scott, Foresman and Co.

Greenleaf, W. H. (1983-87). *The British Political Tradition*. 3 Vols.. London: Methuen.

Grice-Hutchinson, M. (1952). *The School of Salamanca: Readings in Spanish Monetary History*. Oxford: Clarendon Press.

Halevy, E. (1961). *A History of the English People in the 19th Century*. 2 Vols. London: Benn.

Hayek, F. A., ed. (1963). *Capitalism and the Historians*. Chicago: University of Chicago Press.

Herbert, A. (1978). *The Right and Wrong of Compulsion by the State*. Indianapolis: Liberty Classics.

Higgs, R. (1987). *Crisis and Leviathan*. New York: Oxford University Press.

Hoppe, H. H. (1988a). *The Theory of Socialism and Capitalism*. Boston: Kluwer.

Hoppe, H. H. (1988b). *Praxeology and Economic Science*. Auburn: Mises Institute.

Hoppe, H. H. (1988c). *The Justice of Economic Efficiency // Austrian Economics Newsletter, Winter.*

Hoppe, H. H. (1987). *Eigentum, Anarchie und Staat.* Opladen: Westdeutscher Verlag.

Hume, D. (1971). *Essays, Moral, Political and Literary.* Oxford: Oxford University Press.

Jasay, A. de (1985). *The State.* Oxford: Blackwell.

Johnson, P. (1983). *Modern Times: The World from the Twenties to the Eighties.* New York: Harper and Row.

Jouvenel, B. de (1949). *On Power.* New York: Viking Press.

Keynes, J. M. (1919). *The Economic Consequences of the Peace.* London: Macmillan.

Krippendorff, E. (1985). *Staat und Krieg.* Frankfurt/M.: Suhrkamp.

Locke, J. (1960). *Two Treatises of Government* (ed. P.Laslett). Cambridge: Cambridge University Press (русский перевод: Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т.3. М.: Мысль, 1988. С.135-405).

Mencken, H. A. (1949). *A Mencken Gestomathy.* New York: Vintage Books.

Mencken, H. A. (1926). *Notes on Democracy.* New York: Knopf.

Michels, R. (1957). *Zur Soziologie des Parteiwesens.* Stuttgart: Kroener.

Miller, R. L. (1988). *Economics Today (6th. d.).* New York: Harper and Row.

Mises, L. von (1985a). *Liberalism.* San Francisco: Cobden Press.

Mises, L. von (1985b). *Theory and History.* Auburn: Mises Institute (русский перевод: Мизес Л. фон Теория и история. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001).

Mises, L. von (1983). *Nation, State, and Economy.* New York: New York University Press.

Mosca, G. (1939). *The Ruling Class.* New York: McGraw.

Nock, A. J. (1983). *Our Enemy, the State.* Delevan: Hallberg Publishing Co.

Oppenheimer, F. (1914). *The State.* New York: Vanguard Press.

Pirenne, H. (1952). *Medieval Cities.* Princeton: Princeton University Press.

Rockwell, L. (1988). *Man, Economy and Liberty: Festschrift for M. N. Rothbard*. Auburn: Mises Institute.

Roover, R. de (1974). *Business, Banking, and Economic Thought*. Chicago: University of Chicago Press.

Rothbard, M. N. (1986). *The Brilliance of Turgot*. Auburn: Mises Institute.

Rothbard, M. N. (1982). *The Ethics of Liberty*. Atlantic Highlands: Humanities Press.

Rothbard, M. N. (1981). *The Myth of Neutral Taxation // Cato Journal*. Vol. I. № 2.

Rothbard, M. N. (1978). *For a New Liberty*. New York: Macmillan.

Rothbard, M. N. (1977). *Power and Market*. Kansas City: Sheed Andrews and Mc Meel.

Rothbard, M. N. (1976). *New light on the Prehistory of the Austrian School // Dolan* (1976).

Rothbard, M. N. (1974). *The Anatomy of the State// Rothbard, M. N. Egalitarianism as a Revolt Against Nature and Other Essays*. Washington, D.C.: Libertarian Review Press.

Rothbard, M. N. (1972). *Education, Free and Compulsory; The Individual's Education*. Wichita: Center for Independent Education.

Rothbard, M. N. (1970). *Man, Economy and State*. Los Angeles: Nash.

Say, J. B. (1964). *A Treatise on Political Economy*. New York: A.M. Kelley.

Schumpeter, J. A. (1955). *Imperialism and Social Classes*. New York: World Publishing Co.

Schumpeter, J. A. (1954). *A History of Economic Analysis*. New York: Oxford University Press.

Schumpeter, J. A. (1942). *Capitalism. Socialism and Democracy*. New York: Harper (русский перевод: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995).

Spencer, H. (1970). *Social Statics*. New York: Shalkenbach Foundation.

Stiglitz, J. E.(1986). *Economics of The Public Sector*. New York: Norton.

Taylor, J. P. (1965). *English History 1914-15*. Oxford: Clarendon Press.

Tigar, M. and Levy, M. (1977). *Law and the Rise of Capitalism*. New York: Monthly Review Press.

Tilly, Ch. (1985). *War Making and State Making as Organized Crime* // Evans, P. et. al., eds. *Bringing the State Back In*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tuck, J. (1979). *Natural Rights Theories*. Cambridge: Cambridge University Press.

Veatch, H. (1985). *Human Rights*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.

Webber, C. and Wildavsky, A. (1986). *A History of Taxation and Expenditure in the Western World*. New York: Simon and Schuster.